

Александрo Белкин, Диего Серусo¹
Alejandro Belkin, Diego Ceruso

**«Чисписты»: раскол в аргентинской
компартии в 20-е годы**
**El «chispismo»: una disidencia comunista
en los años veinte.**
**The «chispismo»: a communist dissidence in
the 1920s.**

Аннотация: В 20-е годы компартия Аргентины (КПА) прошла через три больших кризиса, которые завершились расколом и уходом части партии. В данной статье мы проанализируем истоки и процесс разделения КПА, который был вторым с истории партии, и который привел к появлению Коммунистической рабочей партии. Диссидентская фракция получили название «чиспитов» (искровцев) по названию своей газеты. Мы сконцентрируемся на изучении деятельности новой партии в рабочем движении и профсоюзных структурах, что показывает опыт аргентинских коммунистов в этой сфере. Статья должна внести вклад в реконструкцию истории аргентинских левых сил в их связи с рабочим движением.

Ключевые слова: коммунизм, рабочее движение, Аргентина, чисписты, Коминтерн

Abstract: In the 1920s, the Communist Party of Argentina (PC) went through three major crises that ended in split processes. This article analyzes the origins and development of the second of these factional

¹ Александрo Белкин – Университет Буэнос-Айреса; Диего Серусo – Университет Буэнос-Айреса; Alejandro Belkin – Universidad de Buenos Aires, ambelkin@gmail.com; Diego Ceruso – Universidad de Buenos Aires, diegoceruso@gmail.com

struggles, which led to the formation of a new political organization, the Communist Workers Party. The dissident fraction was called "chispistas" in reference to the name of its newspaper. We are interested in studying the links that the new party established with the labor movement and its union structures. The intention is to contribute to a better understanding of the communist experience and to contribute to the reconstruction of the history of the Argentine left in its connection with the labor movement.

Keywords: Communism; Labor movement; Argentina; chispistas, Comintern

Resumen: En la década de 1920, el Partido Comunista de la Argentina (PC) atravesó tres grandes crisis que terminaron en sendos procesos de escisión. En este artículo se analizan los orígenes y el desarrollo de la segunda de estas luchas fraccionales, que derivaron en la conformación de una nueva organización política, el Partido Comunista Obrero. La fracción disidente fue denominada "chispita" en alusión al nombre de su periódico. Nos interesa estudiar los vínculos que entabló el nuevo partido con el movimiento obrero y sus estructuras gremiales. La intención es contribuir a una mejor comprensión de la experiencia comunista y aportar a la reconstrucción de la historia de la izquierda argentina en su vinculación con el movimiento obrero.

Palabras clave: Comunismo; Movimiento obrero; Argentina; chispistas, Komintern

DOI: 10.32608/2305-8773-2020-28-1-113-131

Тема деятельности аргентинских коммунистов в рабочем движении в 20-е годы хорошо описаны в литературе². Однако внутренние процессы в партии, расколы и расхождения в стратегии и тактике остаются вне внимания историков. КПА с 1925 г. стала проводить политику «пролетаризации» и «большевизации». В это же время внутри партии произошел серьезный кризис, который завершился уходом части партийных кадров, изменением структуры партийной организации, чистками и исключениями из партии.

КПА во эти годы пережила три раскола. Первый произошел в 1922 г. из-за разногласий части партии в отношении политики

² Camarero, 2007.

единого фронта, поэтому его и стали называть «френтистский» раскол (от испанского «frente» – фронт). Эта группа была обвинена в уклоне от стратегии Коминтерна, принятой в 1921 г. для завоевания влияния партии в пролетарской среде в союзе с другими левыми силами, противостоящими реформистам. Руководство КПА обвинила их в том, что они предлагают прочный союз в Социалистической партии (PS), за что они были заклеены как «правый уклон». В это френтистское крыло входили такие крупные фигуры партии как Луис Коиффман и Педро Милеси. Этот раскол из-за слабости партии не имел никаких последствий для рабочего движения, где этот партийный кризис не заметили³.

Следующий раскол произошел в те же годы и был связан с образованием диссидентами так называемой Коммунистической рабочей партии (PCO). Эта группа партийцев в своем споре с руководством партии обращалась к Коминтерну как к высшему суду.

Третий кризис внутри КПА развивался начиная с 1927 г. и в центре раскола стояла фигура Хосе Пенелона, одного из лидеров партии 20-х годов. Из этого раскола вышла новая компартия во главе с Пенелоном – Коммунистическая партия Аргентинского региона, которая участвовала в президентских выборах 1928 г. под именем Коммунистическая партия Аргентинской республики, а в 1930 г. она была вновь переименована в Рабочую Концентрацию. Коминтерн вновь был вынужден вмешиваться в аргентинские дела, и дискуссия в Москве по этому поводу быстро завершилась в марте 1928 г. (стала известна в Аргентине в конце мая). Коминтерн в споре двух компартий признал как свою официальную секцию КПА и осудил позиции Пенелона. Его сместили с поста генерального секретаря Южно-американского секретариата Коминтерна (ЮАСКИ) после того, как он отказался признать ошибки и вернуться в лоно старой партии⁴. Его группа издавала газету «*Adelante*», и с февраля

³ Campione, 2005.

⁴ Коминтерн направил в Аргентину два документа, которые отвергали позиции группы Пенелона и предлагали новую повестку для компартии. Речь идет

1928 г. по декабрь 1930 г. вышли 60 номеров. Главным редактором был Пенелон. Эта партия имела долгую жизнь, и под именем Рабочей концентрации нерегулярно издавала с 1942 по 1956 г. газету «*Frente democrático*».

Разрыв с КПА

Октябрьская революция в России дала большой импульс радикализации рабочего движения и других народных сил во всем мире. Революционные события в России привели к усилению левого крыла в международном социалистическом движении. Внутри возникшего международного коммунистического движения возникло левое крыло, которое Ленин охарактеризовал «детской болезнью левизны в коммунизме». В Аргентине в компартии также появилось свое левое крыло.

На III съезде КПА (апрель 1920 г.) прошла дискуссия о программе партии. Группа членов партии, которые придерживались левацких позиции, выступили против включения в программу партии «минимальных требований». Они говорили о необходимости отвергнуть все реформистские концепции и перейти к революционным задачам. Эта группа высказывала идеи, близкие тем, что в компартии Италии представлял Амадео Бордига⁵.

Эту группу возглавлял Томас Вельес из Росарио. В нее в основном входили рабочие, и на партийном съезде они составляли большинство. Им противостояло руководство во главе с Родольфо Гиольди, Виторио Кодовильей, Хосе Пенелоном и Педро Ромо, которые защищали включение «минимальных» требований в программу партии и участие в выборах и в парламентской борьбе как тактику работы. Усиление рядов левых в КПА

о резолюции президиума ИККИ, осудившей раскол и предложившей круг проблем для обсуждения на предстоящем в ноябре 1928 г. VII съезде партии. Также было прислано официальное признание руководства партии, избранное на съезде декабря 1927 г. Документы из Москвы призывали Пенелона вернуться в КПА.

⁵ Vargas, 1999.

произошло в последующие годы, хотя руководство осталось в руках противоположной фракции. IV (январь 1922 г.) и V (1923 г.) съезды партии показали укрепление левых, что выразилось в усилении присутствия их представителей в руководстве. На VI съезде в июле 1924 г. «леваки» занимали большинство руководящих постов в партии⁶.

Победа левого крыла произошла в обстановке, мало ей благоприятствующей. Мир стал выходить из послевоенного кризиса 1920-1921 гг., начался цикл роста, продолжавшийся до 1929 г. Потерпели поражения попытки распространения революции на другие страны. Поражение попытки начать германскую революцию в 1923 г. завершало революционный цикл, вызванный победой большевиков в России. Мировой капитализм успешно преодолел революционную волну, добившись относительной стабильности в последующие годы. В этом контексте, в условия отступления революционных сил и восстановления экономики, в Коминтерне, как и в большевистской партии, оказавшихся в руках сталинской камарильи, проходили процессы бюрократизации. На XIII съезде партии была осуждена «рабочая оппозиция», установился климат преследования всех критических голосов. Через несколько месяцев собрался V конгресс Коминтерна, на котором был принят курс на «большевизацию», суть которой сводилась к чистке от диссидентов и превращении коммунистических партий в подчиненных сталинской бюрократии. В этих обстоятельствах отката мировой революции, стабилизации экономики и сталинизации, в Аргентине верх одержало левое крыло в партии. И именно из-за упомянутых обстоятельств её победа была недолгой.

В рамках внутренних разделений Коминтерн давал безошибочные сигналы в усилении своего контроля за действиями и внутренней организацией партий. V Конгресс Коминтерна, проходивший в середине 1924 г., установил курс на «большевизацию» и «пролетаризацию». Первое предполагало, что компартии все более будут подчинены курсу Москвы, что принятие «демократического централизма» теперь интерпретируется как

⁶ Partido Comunista, 1947, P. 54.

потеря автономии низовых организаций партии. «Пролетаризация» предусматривала подчеркивание рабочего характера партии через внедрение структуры на основе ячеек⁷.

Эти решения способствовали разрушению равновесия между двумя фракциями в аргентинской компартии, составлявшими меньшинство и большинство в партии и в её руководстве. Группа Гиольди, Кодовильи и Пенелона, вдруг оказавшаяся в меньшинстве в руководстве, постоянно настаивала на принятии КПА программы непосредственных (минимальных) требований трудящихся. Они смогли привлечь на свою сторону аппарат Коминтерна и добились его прямого вмешательства в конфликт. Это произошло в январе 1925 г.: было направлено «Открытое письмо ИККИ Компартии Аргентины» за подписью руководителя бюро Жюля Умберт-Дро, в котором оппозиционеры были обвинены в левом уклоне. Это послание призывало партию сосредоточиться на задаче стать «партией действия», пойти в массы и «подробно изучать их самые жизненно необходимые и непосредственные потребности»⁸. Это письмо заставило потерпевшую поражение группу перейти в оборону. Решение Коминтерна было принято ввиду существовавшего в Москве личного доверия Пенелону и Кодовилье, а также начавшей антитроцкистской кампании⁹. В период между мартом и апрелем 1925 г. V пленум ИККИ принял решение о реализации решений V Конгресса в отношении реорганизации национальных партий. Точку в этой истории поставило собрание исполкома КПА в июне 1925 г., принявшее письмо Коминтерна полностью и без оговорок. Через несколько месяцев у партии было уже другое руководство.

В конце 1925 г. руководство, одобренное резолюцией ИККИ, получили большинство на VII съезде КПА, преобладая над «левым крылом», и навязывая свои решения¹⁰. Реальное, хотя и не

⁷ Camarero, 2007.

⁸ CE de la IC, “Carta abierta al CE del PC de la Argentina”, Moscú, enero de 1925.

⁹ Vargas, 1999. P. 273.

¹⁰ Во время съезда был убит руководитель Молодёжной коммунистической федерации Энрике Херман Мюллер, сторонник победившей группы руковод-

формальное, лидерство осталось в руках Пенелона, Гиольди и Кодовильи, которые принялись исключать из партии потерпевших поражение под самыми разными предложениями и аргументами. Среди изгнанных были влиятельные члены партии, которые стояли и у истоков основания Интернациональной социалистической партии, предшественницы КПА, и которые возглавляли многие боевые дела партии: Анхелика Мендоса, Каэтано Ориоло, Мигель Контрерас, Матео Фосса, Рафаэль Греко, Ромео Хентиле, Теофило Гонсалес и другие. К ним присоединились и члены небольшой группы, образовавшейся вокруг университетского журнала «Insurrexit», в частности, Эктор Раурич, Луис Иполипо Этчебере и Микаэла Фельдман¹¹. Все они и создали Коммунистическую рабочую партию (Partido Comunista Obrero – PCO) в январе 1926 г., выбрав Ориоло генеральным секретарем. Они стали издавать газету «La Chispa» (Искра), которую возглавила Мендоса, и благодаря названию которой их стали называть чиспистами (искровцами)¹².

Официальная партия их называла «болтунами», «провокаторами» и «леваками», а исключенные указывали, что причина разрыва в различных подходах, изложенных в «Докладе» Каэтано Ориоло и Хуана Ньето на VI съезде партии («Informe económico de la Comisión de Control designada por el VI Congreso del Partido Comunista de la Argentina, integrada por los compañeros Cayetano Oriolo y Juan Nieto»), который разоблачал финансовые нарушения в журнале «La Internacional»¹³. Исключенные утверждали, что их требования придерживаться внутренней демократии тоже были побудительным мотивом для ру-

ства. В преступлении была обвинен рабочий типограф Модесто Фернандес как раз из левого крыла.

¹¹ Журнал *Insurrexit* выходил в 1920–1921 гг., вышло всего около десятка номеров. Это было одно из критических изданий, возникших в процессе Университетской реформы. Buchbinder, 2018. P. 11–32.

¹² Газета выходила в 1926–1929 гг., всего 89 номеров. Название была взято от ленинской Искры, чтобы подчеркнуть свой политический выбор. – Piemonte, 2013; Godio, 1988, P. 167–278.

¹³ Oriolo, 1994. P. 98. Официальная версия внутренней дискуссии см.: Partido Comunista, 1947. P. 51.

ководства исключить их из партии.

Число диссидентов колебалось от 100 до 400 человек, хотя их вес был не в числе, а в позиции и политике коммунистов в профсоюзах, именно им удалось добиться успехов в борьбе за представительство партии на производстве. Их организация была сильна в столице и в Авельянеде. Особенность РСО состояла в том, что она состояла в основном из рабочих. В руководстве партии были представители разных профсоюзов: Мендоса была учительницей из провинции Мендоса, Ориоло состоял в профсоюзе водителей, Фосса был рабочим деревообработчиком, Греко – металлургом. Ядро их членов были рабочие обувщики, металлурги и текстильщики.

КПА напрямую обвиняла РСО в «троцкизме», что было причиной категорического отказа иметь с ними какие-либо отношения, так как и в международном движении коммунистов с троцкистами нельзя было иметь дело¹⁴. На самом деле только в 30-е годы некоторые чисписты, как например, Фосса, Этчебее-ре, Фельдман, Раурич, Мендоса действительно примкнули к троцкистам.

Профсоюзная политика чиспистов

Полемика внутри партии этих двух групп концентрировалась вокруг программы партии, которую следовало обсудить внутри партии. Однако после VI съезда (1924) были и другие пункты расхождений. Например, программа, разработанная Мендосой и Ориоло, включала в себя критику антиимпериалистической борьбы, аграрного вопроса, работу внутри армии и профсоюзный вопрос. По профсоюзам отмечалась общая слабость рабочего движения, слабое влияние в нем коммунизма и выдвигалось требование организации профсоюзов по отраслевому принципу с упором на создание фабричных советов, что в то время занимало мало внимания в КПА: «Работа по организации Фабричных советов должна быть углублена со всей серьезностью и осознанием важности для партии в этот период разви-

¹⁴ La Chispa, III, 60, 9/6/1928.

тия. Главное – партия не придавала никакого значения и внимания этому вопросу. Необходимо понять, какие преимущества имеет Фабричный совет перед сегодняшними «делегатами профсоюза», что гибкость этого организма в борьбе, его преимущества, его представительство интересов всех рабочих, также как и новая концепция и реальность рабочего контроля на производстве, который этот совет предусматривает»¹⁵. После того как произошел раскол, и была создана новая структура, РСО безуспешно пыталась добиться признания Коминтерна в качестве его официальной признанной партии в Аргентине и в течение всего своего короткого существования не прекращал полемику с КПА по аграрному вопросу, по профсоюзам, по политической ситуации, внутренней организации и т.д.¹⁶.

Для РСО программа непосредственных требований трудящихся должна была стать не только программы переходного периода, но главное – программой, отвечающей специфике аргентинской действительности, включающей действительно интересующие пролетариат вопросы. Они разоблачали реформизм программы КПА, призывали сформулировать требования в революционном духе. Что касается антиимпериализма, то этот вопрос ставился в сердцевину программы, это с самого начала раскола был главной темой этой новой партии. Они считали, что антиимпериалистическая борьба является главной частью национального освобождения, а следовательно, мировой революции. Аргентина характеризовалась страной, находящейся под британским влиянием, а значит, должна бороться с империализмом. Между тем левые политические силы в стране не предпринимали антиимпериалистических акций. РСО обращала внимание на аграрную проблематику, создала группы изучения производственной структуры сельского хозяйства, разоблачала латифундизм, считала необходимым вести агитацию среди

¹⁵ “Proyecto de Programa de Reivindicaciones Inmediatas”, despacho de los miembros en disidencia de la Comisión de Programa nombrada en el VI Congreso del Partido Comunista de la Argentina, compañeros Angélica Mendoza y Cayetano Oriolo.

¹⁶ Kohen, 2009.

сельского населения, особенно среди его пролетарских и полупролетарских слоев.

В профсоюзной сфере PCO предложила объединение рабочих центров под эгидой Профинтерна, что не отменяло её критики анархистов Аргентинской региональной рабочей федерации (*Federación Obrera Regional Argentina – FORA*), которую обвиняли в применении практики, связанной с индивидуализмом, а социалистов из Аргентинской рабочей конфедерации (*Confederación Obrera Argentina – COA*) осуждали за сотрудничество с буржуазией, и «пресмыкающийся» реформизм, синдикалистов из Аргентинского профсоюзного союза (*Unión Sindical Argentina – USA*) клеймили за аполитизм. Следует указать, что хотя партия уделяла большое внимание профсоюзной работе, она не считала её единственной формой, в которой выражается борьба рабочего класса. PCO предлагала усилить действия и продумать политику в отстаивании более широкого круга требований, кроме синдикалистских, включавших противостояние росту стоимости жизни, занятия спортом, налаживание системы социального страхования и др.

Помимо попыток найти общий язык со всеми рабочими профцентрами чисписты проводили свою профсоюзную деятельность внутри USA, так как профсоюзы под их руководством – металлурги, обувщики – входили в этот центр. Это присутствие в профсоюзном движении обеспечило партии посты внутри USA и помогло найти общий язык с другими синдикалистскими течениями. Коммунисты контролировали с 1924 г. главный орган этого профобъединения, а именно Местный рабочий союз (*Unión Obrera Local – UOL*) Буэнос-Айреса¹⁷. Существование, никогда не бывшее добрым, между коммуни-

¹⁷ UOL вместе с Провинциальным рабочим союзом Кордобы были ударными силами компартии на профсоюзном движении в 20-е годы. Один из профсоюзных лидеров коммунистов Мигель Контрерас сначала входил в группу «левых» в партии, но после получения «Открытого письма Коминтерна» перешел к группе, поддержанной Москвой, и впоследствии занимал важные политические посты в органах Коминтерна в Латинской Америке и в КПА. См. Contreras, 1978.

стами и синдикалистами в USA резко ухудшилась с 1926 г., когда была принят пункт устава, который утверждал, что на съезде Союза того года не должны обсуждаться политические вопросы. Чтобы усилить свое влияние, синдикалисты сделали ставку на UOL и смогли вытеснить оттуда коммунистов, войдя в союз с чиспистами, они смогли назначить чисписта Теофило Гонсалеса генеральным секретарем Местного комитета UOL в марте 1927 г.¹⁸

PCO занимала критическую позицию в отношении политики КПА в профсоюзном движении. Компартия опиралась на установки Коминтерна о «большевизации», которые ей позволили только усилить свой аппарат и провести бюрократизацию партии, которая стала действовать в соответствии с указаниями «четырех марксистов» – Пенелона, Кодовильи, Ромо и Гиольди. PCO указывали: «В профсоюзах отражаются общие недуги партии. Исполком партии никогда не занимается профсоюзными вопросами, не вырабатывает планы действий, не ведет никакой работы в них»¹⁹. Упреки партии в бюрократизации привели к ошибочным характеристикам чиспистов некоторыми историками: «Их политическая концепция, идеи о профсоюзном движении, как и об внутрипартийной организации были сориентированы на низовые организации, на «стихийность», были более радикальными, чем позиции социалистов или коммунистов. Испытав влияние анархизма, а затем уже марксизма, их взгляды стремились к большей гетеродоксии и свободомыслию»²⁰.

На самом деле PCO прилагала усилия для завоевания прочных позиций в профсоюзах, предлагая формировать партийные ячейки в низовых профорганизациях, на местах работы своих членов. Однако эта политика мало чем отличалась от политики создания партийных ячеек на производстве, которую проводила КПА. Речь шла о постепенной реализации курса на партийное строительство на основе ячеек на производстве, что соответствовало тактике Коминтерна, который критиковал аргентин-

¹⁸ Camarero, 2007. P. 111-133.

¹⁹ La Chispa, I, 1, 30/1/1926.

²⁰ Tarcus, 2000. P. 45.

ских товарищей из КПА за несистематическое проведение этого курса, за политику, больше похожую на импровизацию: «Построение по ячейкам не естественно. Примером чего является создание ячеек бессистемно, по капризу Исполкома, без учета по-настоящему крупных центров производства, где и должна вестись методическая агитация»²¹.

К этому добавлялась критика особой централизации в партии, которая противостояла внутренней динамики партийной жизни. В чиспистской прессе публиковались «Инструкции о структуре и функционировании ячеек партии на предприятиях и по месту жительства», принятые на Второй оргконференции ИККИ и подтвержденные Оргбюро ИККИ 26 марта 1926 г.²² Этим чисписты стремились показать, что именно они проводят правильную политику в соответствии с указаниями Коминтерна. Также этим они хотели завоевать благосклонность Интернационала, демонстрируя, что причины раскола имели исключительно местные причины и не являются выражением неприятия руководства Коминтерна. Для РСО работа партии должна была начинаться в ячейках по месту жительства, и оттуда переносилась бы на заводы и фабрики: «Главная задача ячеек нашей партии по месту жительства состоит в завоевании фабрики, на которой рабочие работают и там уже создают производственные ячейки партии»²³.

Экономическое положение позволяло и определяло, что приоритет промышленности был логичным после подъема промышленности и роста индустриального рабочего класса в период Первой мировой войны прежде всего в сфере производства продуктов питания, мебели, текстиля, металлургии. Постепенное исчезновение свободных для освоения аграрных территорий, рост цен на промышленные товары, изменение поведения иностранных инвесторов, среди прочих факторов, сделали возможным усиление промышленного сектора в национальной

²¹ La Chispa, I, 8, 22/5/1926, p. 3.

²² La nota completa y detallada puede leerse de los números 10 a 14 de La Chispa bajo el título “Cuestión organización”.

²³ La Chispa, II, 44, 22/10/1927, p. 2.

экономике. Прирост в промышленности давал больше, чем в сельском хозяйстве. Хотя сравнительный рост промышленности и аграрной, скотоводческой отрасли показывает их паритет в период 1923 – 1928 гг., тенденция фабричного производства превышения промышленности над сельским хозяйством была постоянной²⁴.

Новым явлением было возникновение металлургических фабрик. Греко, который был одним из основателей PCO, возглавлял Рабочий профсоюз металлургов (Sindicato Obrero de la Industria Metalúrgica – SOIM). В том же профсоюзе действовали другие крупные деятели партии Луис Миранда и Ромео Хентиле. На практике PCO руководила профсоюзом при поддержке социалистов, анархистов и синдикалистов вплоть до военного переворота 1930 г., который нанес суровый удар по компартии и её позициям в профсоюзах промышленных предприятий. Будучи меньшинством в профсоюзе, компартия создала Коммунистическую группу металлургов, которая издавала свою газету «El Metalúrgico Rojo» (Красный металлург)²⁵. SOIM под контролем чиспистов не отказался от политики организации партии на производстве и даже создал систему делегатов, внутренних комиссий и ячеек на заводах в этой отрасли. SOIM считал необходимым наладить систему связи между руководством и базовыми, низовыми организациями: «Было принято решение о создании секретариата, об издании еженедельного бюллетеня секретариата, что позволит установить более прочную связь с низовыми организациями, их представителями-делегатами и комиссиями цехов и мастерских. Было принято решение поменять всех делегатов и создать местные комитеты там, где это будет необходимо»²⁶. Как видим, параллельно с партийными ячейками существовали коллективные структуры профсоюзного представительства, а также руководство способное сменять делегатов снизу.

Другой отраслевой союз, где чисписты завоевали серьезные

²⁴ Korol, Belini, 2012. P. 55.

²⁵ Comité Local del PC de la Capital Federal. Circular N° 24, 8/10/1926.

²⁶ La Chispa, III, 57, 28/4/1928, p. 4.

позиции, были обувщики. С 20-х годов Профсоюз работников обувной промышленности (Sindicato de Obreros del Calzado – SOC) действовал в обстановке отступления и ослабления позиций после победного периода 1917–1921 гг., когда ему удалось добиться серьезных успехов. Начиная с 1925 г. в обстановке всеобщего разделения внутри партии КПА потеряла свое влияние в этом профсоюзе, так как большая часть её членов ушли в РСО вслед за генеральным секретарем профсоюза Теофило Гонсалесом. В профсоюзе с конца 1910-х годов существовала тенденция на укрепление структуры рабочих советов для установления контроля на местах производства, которые удалось создать на основных обувных фабриках, однако этот процесс не был продолжительным и прерывался. В 20-е годы были созданы призрачные советы на некоторых предприятиях, но профсоюз не смог добиться их эффективного функционирования, которое продолжалось бы какое-то значительное время²⁷. Продолжали выступать за профсоюзный контроль на рабочих местах, но сил для реализации этой задачи оказалось недостаточно. КПА же предлагала ликвидировать эти советы²⁸. За все время жизни партии РСО не утратила своего доминирования в SOC, а на профсоюзных выборах 1927 г. выдвинула единый список кандидатов в Административную комиссию профсоюза. У неё не было конкурентов. Деятельность чиспистов в профсоюзе обувщиков преследовала цель создать, а затем увеличить ряды своих партийных ячеек на крупных фабриках в Буэнос-Айресе и пригородах.

В текстильной отрасли они безуспешно пытались организовать свою базу, которая была слишком слаба, и партия присутствовала только на редких крупных предприятиях. Здесь, напротив, КПА имела сеть ячеек, издавала свою газету для работников отрасли. Часть её членов перешла в РСО, но преобладание осталось за КПА²⁹. Профсоюз текстильщиков контролировался социалистами, что сделало безуспешными попытки

²⁷ Kabat, 2005. P. 191-196.

²⁸ La Internacional, VIII, 1177, 17/12/1925, p. 3.

²⁹ La Chispa, III, 57, 28/4/1928, p. 3.

PCO добиться большего влияния среди рабочих отрасли.

С момента своего создания в 1923 г. Рабочий профсоюз мебельщиков всегда оставался под контролем синдикалистов, которые также создавали систему делегатов профсоюза на фабриках и в мастерских. В 1925-1930 Фосса был главной фигурой в профсоюзе и руководителем профсоюзной газеты «Acción Obrera», со страниц которой требовал появления таких делегатов и создания фабричных комитетов на больших фабриках³⁰. Фосса писал и в «La Chispa», протестуя против цензуры профсоюзной печати³¹.

К чиспистам примыкал Рабочий профсоюз шляпников, в котором было значительным присутствие рабочих евреев. Их генеральный секретарь Хакобо Брун участвовал в расколе 1925 г. На это повлияла полемика, которую начала КПА со своей собственной еврейской секцией «Коммунистической израэлитской группой», и которая закончилась исключением многочисленной группы рабочих, которые затем присоединились к PCO³². Этот уход был заметным по количеству и качеству партийцев, и КПА приложила массу усилий, чтобы вернуть себе присутствие в этом профсоюзе, где было много еврейских рабочих. В эти годы самая читаемая в еврейской общине газета на идише «Di Presse» встала на защиту чиспистов, напрямую критикуя КПА. Профсоюз шляпников был успешным союзом, так как добился значительных уступок у хозяев, а партия смогла укрепить свои ячейки³³.

По ходу кризиса КПА усилила внутренний контроль в партии и прикрыла все каналы дискуссии с диссидентами. КПА получила поддержку со стороны ИККИ, и это поведение Москвы в отношении внутренних противоречий и расколов в мест-

³⁰ Acción Obrera, órgano oficial del Sindicato Obrero de la Industria del Mueble, IV, 31, mayo de 1927, pp. 1 y 2.

³¹ “Apuntes sindicales”, La Chispa, III, 56, 7/4/1928, p. 3.

³² Camarero, 2007. P. 300-301; Vargas, 1999. P. 290; Kersfeld, 2012. P. 115-116. Известные деятели PCO евреи – Давид Якубович, Исаак Сухой, Давид Сирута.

³³ La Chispa, II, 28, 26/3/1927, p. 3.

ных партиях стало образцом для всех других стран. Во время своего короткого существования чиспизм не переставал взывать к Коминтерну и требовать разобраться в его деле и признать его правоту. Дело с чиспистами показало решающую роль Интернационала в решении внутренних споров часто вне зависимости от правоты и или ошибочности той или иной стороны.

В конце этого цикла расколов 20-х годов в аргентинской партии усилился тандем Кодовилья-Гиольди, руководивших КПА. Эти расколы, VIII съезд партии (1928) и Первая конференция коммунистических партий Латинской Америки (1929) были «поворотным пунктом в процессе идеологического, политического и организационного однообразия в партии, закрывая тем самым предыдущее десятилетие крупных дебатов, внутренних стычек и напряжений, которые выливались в создание фракций и диссидентских направлений». «В будущем некоторые руководители партии и видные её деятели впадали в немилость руководства, но это были персональные дела. Внутренняя преемственность и единство были навязаны аппаратом, следившем за верностью идеологии (марксизму-ленинизму), охранявшем свои прочные связи с Москвой, не избегая кризисов в руководстве, которые уже не выливались в появление фракций и отделения части партии. Это уже был результат стратегического поворота к политике класс против класса»³⁴.

В 1929 г. во время Первой конференции латиноамериканских партий руководство КПА продолжало шельмовать чиспистов, выражая яростное недовольство в случае контактов с ними делегатов братских партий³⁵. PCO самораспустилась, утратив свои позиции в профсоюзном движении. SOIM в 1930 г. их позиции в профсоюзах заняли коммунисты (КПА), которые привели профсоюзы под своим руководством в состав созданной ими конфедерации, так называемого Комитета классового профсоюзного единства, в то время как профсоюз обувщиков перешел сначала под контроль синдикалистов, а затем социалистов.

³⁴ Camarero, 2011. P. 213.

³⁵ SSA de la IC, 1930.

В заключение следует сказать, что РСО не смогла объединить значительное количество коммунистов и стать заметной силой в рабочем движении. Между тем, она представляла особый взгляд аргентинского коммунизма и синдикализма. Дискуссия в КПА о программе непосредственных требований занимала большое место в первой половине 20-х годов сочеталась с другими дебатами, имевшими связь с международными делами и интернационалом. Из этих дискуссий и родился раскол, а не из-за борьбы за руководящие посты в партии. Расхождения во мнениях и позициях после раскола были перенесены в профсоюзное движение, при этом не было четко сформулированы взаимные претензии, а критика чиспистов сконцентрировалась на «неправильном», с их точки зрения, походе к реализации указаний Коминтерна, прежде всего по поводу создания ячеек на производстве. РСО была согласна с «дорожной картой», которую предложил Коминтерн компартии для реализации этой задачи. В первую очередь, эта линия была осуществляема в тех профсоюзах, где объединялись работники, в большей степени страдающие от тяжелых условий труда, или где другие политические силы имели слабые позиции – металлурги, текстильщики, в меньшей степени обувщики. Все усилия РСО ограничались столицей и пригородами. РСО фактически унаследовала то влияние, которое ранее завоевала КПА, прежде всего, в профсоюзе металлургов и обувщиков. Кроме завоевания руководящих позиций в профсоюзах РСО проводила линию на усиление присутствия на фабриках, для чего создавала там партийную структуру, ячейки, в полном соответствии с указаниями Коминтерна. Ячейки должны были стать важным звеном в идеологической работе. РСО слегка критиковала ставку на подпольный характер ячеек, но никак не ставила под сомнение программу действий компартии, одобренную Коминтерном.

Политико-идеологическая характеристика РСО сводится к двум пунктам. КПА обвиняла партию как троцкистскую в момент расколы, так как это было начало борьбы с левой оппозицией в СССР и в Коминтерне. А так как чисписты квалифицировались как троцкисты, то против них должны были использоваться все средства. РСО пыталось добиться признания своей

правоты Коминтерном и признания именно себя официальной компартией. РСО делала все возможное, чтобы отмежеваться от троцкизма, публиковала на страницах «La Chispa» материалы, показывающие правоту Сталина по сравнению с оппозицией. Последующее мнение историографии о троцкистских влияниях связано с тем, что на некоторых видных деятелях РСО лежала печать «бунтарского и свободолюбивого духа»³⁶. В области профсоюзной работы помимо риторики и преувеличения отличий РСО у диссидентов не было никакой отдельной своеобразной программы, не проводилась никакая особая линия. Внимание к низовым профорганизациям, которое демонстрировала РСО, не отличалось от политики КПА по созданию фабричных ячеек, по укреплению партийных позиций в низах, нисколько не претендуя на стихийность в работе.

Дискуссии накануне разрыва шли вокруг внутренней жизни партии. Став отдельной партией, РСО выдвинула на первое место программу непосредственных требований, которую она считала революционной и не идущей на уступки буржуазии и реформизму. РСО критиковала реализацию со стороны КПА задач и установок Коминтерна. Эта критика в большей части была направлена не на внутреннюю аргентинскую политику, а для одобрения со стороны Коминтерна, представляя себя лучшим и более правильным последователем московской линии.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Buchbinder P.* El movimiento estudiantil argentino: aportes para una visión global de su evolución en el siglo XX // Archivos de historia del movimiento obrero y la izquierda, 12. 2018. P. 11-32.
- Camarero H.* A la conquista de la clase obrera. Los comunistas y el mundo del trabajo en la Argentina, 1920-1935. Buenos Aires: Siglo Veintiuno Editora Iberoamericana, 2007.
- Camarero H.* El tercer período de la Comintern en versión criolla. Avatares de una orientación combativa y sectaria del Partido Comunista hacia el movimiento obrero argentino // A contracor-

³⁶ Tarcus, 2000. P. 45.

- riente, una revista de historia social y literatura de América Latina. No. 3. 2011.
- Campione D.* El comunismo en Argentina. Sus primeros pasos. Buenos Aires: Instituto Movilizador de Fondos Cooperativos/Centro Cultural de Cooperación Floreal Gorini, 2005.
- Contreras M.* Memorias. Buenos Aires: Testimonios, 1978.
- Godio J.* El movimiento obrero argentino (1910-1930). Socialismo, sindicalismo y comunismo. Buenos Aires: Legasa, 1988.
- Kabat M.* Del Taller a la Fábrica. Proceso de trabajo, industria y clase obrera en la rama del calzado (Buenos Aires 1870-1940). Buenos Aires: Ediciones RyR, 2005.
- Kersffeld D.* Rusos y rojos. Judíos comunistas en los tiempos de la Comintern. Buenos Aires: Capital Intelectual, 2012.
- Kohen D.* Apuntes para la historia de un comunismo vernáculo. El caso del Partido Comunista Obrero en la década de 1920 // Ponencia presentada en XII Jornadas Interescuelas/Departamentos de Historia, 2009.
- Korol J.C., Belini C.* Historia económica de la Argentina en el siglo XX. Buenos Aires: Siglo Veintiuno Editores, 2012.
- Oriolo J.* Antiesbozo de la Historia del Partido Comunista (1918-1928). 2 volúmenes. Buenos Aires: CEAL, 1994.
- Partido Comunista, Esbozo de Historia del Partido Comunista de la Argentina (Origen y desarrollo del Partido Comunista y del movimiento obrero y popular argentino). Buenos Aires: Anteo, 1947.
- Piemonte V.A.* Alcances y significaciones de la incidencia soviética en las prácticas políticas del Partido Comunista de la Argentina (1919-1943). Tesis de doctorado, Universidad de Buenos Aires, 2013.
- Tarcus H.* Historia de una pasión revolucionaria. Hipólito Etchebéhère y Mika Feldman. De la reforma universitaria a la guerra civil española // El Rodaballo. Revista de política y cultura 11/12. 2000. P. 45.
- Vargas O.* El marxismo y la revolución argentina: Tomo 2. Buenos Aires: Agora, 1999.